

М Е Р А Й Л И

**А К А Д Е М И Я
Л Ю Б В И**

Санкт-Петербург

BODlib

2006

УДК 82-821

ББК 84(2)

М 41

Мерайли

Академия любви. Сборник стихотворений. — Санкт-Петербург: BODlib, 2006. — 104 с.

ISBN 5-902882-25-7

**Издание выпущено в рамках проекта
«Книга по требованию»**

В оформлении книги использованы картины Guy Levrier (France)
Catalogue Raisonné # 071, 202, 377, 391

ISBN 5-902882-25-7

© П.Б.Иванов, 2006

© Графика: Guy Levrier, 1985, 1995, 2004, 2005

© BODlib, 2006

Моей любимой
и единственной.

* * *

Не хищник, плоть терзающий клыками,
Не камня хладногранные караты,
Не милость божества, и не расплата, —
Любовь — мировоззрение и знамя.

Не встречи, опаленные цветами,
Не слезы, не тоска, не боль утраты,
Не миг блаженства, не безумство клятвы, —
Любовь — мировоззрение и знамя.

Прости, когда, закабален делами,
Не понял вовремя, что значишь для меня ты.
Нас все равно одно сжигает пламя,
Мы вместе, на одном кресте распяты.

Пусть потеряем все — но будет с нами
Любовь — мировоззрение и знамя.

ЦИКЛ ПЕРВЫЙ



Просто так

Зачем? Беззачемно!

И. Северянин

Это город, между прочим.
Из домов растут балконы,
Железяки на колесах
Возят пиво в мужиках...
Кто еще не догадался —
Я большой и гениальный,
И поэтому все знаю
И стихами говорю.

Например, в античной драме
Иногда стихами пели.
Ну, про наши достижения
Лучше, все-таки, не петь...
Но сложить четыре строчки
Для поэта — нет проблемы,
И умею даже в рифму,
Если кто бы попросил.

Но весной — какие рифмы!
Тут гулять пора, и нюхать,
Как сиренятся сирени
В ботаническом саду;
А когда поменьше курят,
И орут не очень громко —
Так, бывает, даже птицы
Выползают попищать!

Хорошо, когда на свете
Все разумно и логично —
А не то от лишних мыслей
Можно съехать с головы.
Коль у нас дожди все время,
Значит — где-то светит солнце,
И чего-нибудь насветит
На эннадцать лет вперед.

Только, вот, не понимаю —
Для чего твоя походка?
Чуть посмотришь на такую,
Сразу — грустно в животе.
Прошлый раз на остановке
Улыбнулась волосами —
И зачем-то усомнила
Несомненного меня.

Театр

Изящным поворотом головы,
Случайной складкой невесомой шали
Кого-то мне напоминали Вы —
А может быть, и не напоминали?

Когда бы в самом деле... Но увы,
Несбыточное скажется едва ли.
Кому важны зеленые печали
Декоративно скошенной травы!

За серебристым холодом стекла
Мерцают наши лица, как живые...
Но их там нет. Напрасны зеркала

С невинной ложью, как судьба светла,
Как веселы и грациозны Вы — и
Какой бы я счастливой быть могла.

* * *

Прости, но я тебя люблю.
Ревную, радуюсь, мечтаю,
Отзвуки нежности ловлю,
Страницы памяти листая...
Ты — недоступна, ты — святая.
И все же я тебя люблю.

Но нет, я не хочу признаний.
Обман сочувствий, страх желаний...

Я должен жить — я буду жить.

Тебя заменят зеркала
Едва заметным отражением,
Бредовым самовыражением
Язв беспокойного тепла.

Люблю. Молчу. Живу. А где-то
Юродивые Да и Нет —
Блаженные недоответы,
Лишенные святого света,
Ютятся в тесной тишине.

Старинный вальс

За минутой минута —
как шелест дождя за окном.
Их уже не вернуть.
Тени мыслей — как будто
мерцание в небе ночном,
и никак не уснуть.
А следы на траве
исчезают к утру,
и покрыта росой
в золотистой листве
промелькнувшая грусть —
мой несбыточный сон.
Нескончаемый дождь
с неба смыл синеву,
обесцветил мечты...
Ты, наверное, ждешь,
когда я позову.
Ну а я — когда ты.

В опале

Я преступил, я согрешил —
Мне от Любви пощады нет:
Я изгнан из твоей души,
Тебя со мною рядом нет.

Разбита чаша бытия,
Бежит забвения струя.
Отравлена печаль моя,
Хоть в ней ни зла, ни яда нет.

Да, и во мне могла бы ты
Увидеть светлые черты:
Я полон нежной доброты —
Но мне за то награды нет.

Куда разлука нас влечет?
Я потерял потерям счет.
Все изменяется, течет —
И ни к чему возврата нет.

Пусты, бессмысленны слова,
Земля безлюдна и мертва...
О, неужели ты права,
Что ни любви, ни правды нет?!

Сарказм судьбы

Я ничего не понимаю,
Я медленно схожу с ума:
Я Вас зову, я приглашаю —
Но ни визита, ни письма.

О, за какие прегрешения
Ко мне не ласков слабый пол?
Я, может, сам бы к Вам пришел —
Да как же так, без приглашения?

* * *

Влюбленный, не страдай напрасно!
Что толку в верности твоей?
Язык язычницы прекрасной —
Ни искреннее, ни добрей.

Ты можешь стать безумной тенью,
Порвать с друзьями и судьбой —
Она, подобно Провиденью,
Лишь посмеется над тобой.

Довольно! Удались от мира,
Будь просветлен и недвижим...
А коль не можешь без кумира,
Люби себя — и будь любим.

* * *

Если хочешь, я тебя
Поцелую, не любя.
Если хочешь, я тебя
Погублю, себя губя.
Твое тело оскорблю,
Твою душу отравлю,
Позову и обману,
В черный омут затаю.
Стану я твоей бедой,
Стану старостью седой,
Буду я твоей судьбой,
Черной властью над тобой.
Злобным ветром налечу,
Знойным вихрем заверчу, —
Оборву и обнажу,
Закружу, заморожу...
Не играй же, не зови
Наколдованной любви!
Тонких нитей не руби,
Робких всходов не губи.
Если только я тебя
Поцелую, не любя, —
Будет долгая беда,
И разлука навсегда.
Стыть тебе в дому одной —
И со мной, и не со мной,
Не женой, и не вдовой,
Нежеланной, неживой.

* * *

На гребне банальных бессонниц,
Сквозь каменный лабиринт,
Хочу ощутить невесомость
Росинки на струнах зари:
Когда по ладони шершаво
Проводит лучами рассвет,
И гладит алмазные травы
В заоблачной синеве,
Когда шелковистые ветры
Навстречу заветного дня
Пылинкою незаметной
Кружат и уносят меня...
И милая сердцу тревога,
Ликующее крыло:
Дорога, дорога, дорога! —
Прекрасно и тяжело —
Туда, где по свету бродит,
Святые дела вершит,
Великое чудо природы
И добрая правда души.

* * *

День за днем — тебя все нет.
Вечное томление.
В расписании планет —
Светопреставление.

Вот по улице иду
В пиджаке и в шляпе,
Улыбаясь на ходу —
Точно дядя запил.

И жлобенку, и жлобу,
Кошке и трамваю,
И фонарному столбу
Головой киваю.

Только, жаль, ни от кого
Не дождусь ответа:
Почему я сам не свой —
А тебя все нету.

На меня порядку для
Гавкнет собачонка:
Дескать, тоже мне, сопля —
Ну какого черта?

Надоел мне белый свет,
Да и там — не ново.
Главное — тебя все нет,
Вот ведь, что хреново!

Эх, когда б я только знал
Ожиданий график,
Я тебя бы обругал
И послал бы на фиг!

И гулял бы сам собой,
Трезвый и здоровый —
Знаменитостью какой
Стал бы, право слово.

Но, как видно, не судьба
Жить как человеки —
Раз уж выбрал я тебя
Сразу и навеки.

Кто судачит: «Вот чудак!
Посадил на шею...»
Только я к тебе вот так —
То есть, как умею.

Стало быть, не обессудь:
Пусть последний пень я —
Появись хоть как-нибудь,
Сделай снисхождение!

Говорят, любовь игра,
И везет нечасто...
Но когда-то же пора
Взять — и повстречаться!

* * *

Как перезубренный урок,
Как выпренность благодеяний,
Звучит банально и старо:
Любовь не знает расстояний.

Но примет грудь разлуки дрожь —
И вновь упрямо вспоминаю:
Не знает расстояний... Что ж,
А я — я ничего не знаю!

* * *

Это старый роман, повторение седого сюжета:
Ускользящий вечер, такой же, как все вечера,
Над Парижем туман — а в Москве запоздалое лето
Обнаженностью плеч увлекает в сиреневый рай.

Я пишу Вам письмо, хоть и знаю, что это не в моде,
SMS, или E-mail, в нашем мире привычной давно —
И однако пишу: о себе, о судьбе, о погоде,
И о том, что хочу с Вами срочно увидиться, но...

Все куда-то течет — и протечки заделывать нечем;
Всем куда-то пора, и торопимся даже во сне —
У меня на Тверском у фонтана назначена встреча,
Ну а Вас на Kleber кто-то ждет уже в Le Savenay.

Почтальон опоздал, и осталось письмо без ответа.
Если нечего вспомнить — об этом нетрудно забыть.
Деловой календарь: расписание, график и смета —
Современные лики все той же капризной судьбы.

День за днем пролетает, меняя сезоны и климат,
Час за часом плывет под мостами и по мостовым...
Над Москвой облака отражением неторопливым,
А над Сеной туман — безразлично-далекий, как Вы.

Я пишу Вам письмо — пусть оно не найдет адресата,
Мне без Вас все равно не житье — и плевать на дела!
Покупаю билет — и лечу первым рейсом куда-то...
И хотел бы на край — но Земля идиотски кругла.

И опять суета: терминалы, причалы, вокзалы —
Где мороз, где жара, а где осень дождем моросит...
Я иду на Saint Paul от Sully, мимо книжных развалов,
Ну а Вас по Каширке куда-то уносит такси.

Тени наших не встреч будто слезы дождинок похожи:
Запах свежих следов, сожаление издалека...
Через тысячу лет мы, возможно, увидимся все же,
И друг друга пойдем, и сожжем письма — а пока...

Это старый роман — вот и все, что известно об этом.
Ускользящий вечер, такой же, как все вечера.
Над Парижем туман — а в Москве запоздалое лето
Обнаженностью плеч... Увлекает...

Средство

Когда стихи не пишутся,
не ищутся слова,
невозмутимо дышится,
на месте голова,
когда кричать не хочется
и обнимать прохожих,
когда соседка-склочница
на фею не похожа,
когда от пыли серы
колдобины дворов,
и трудно до Венеры
доехать на метро,
когда работа делается
по плану и погоде,
и пять на два не делится,
и все в таком же роде,
когда ночами спится,
а днем наоборот —
попробуйте влюбиться.
И как рукой — пройдет.

* * *

Не говори мне: уходи —
Мы не останемся друзьями.
Слепым сомнением в груди,
Смятением светил над нами,
Непостижимыми губами
Не говори мне: уходи.

Все возвращается. Быть может,
В плену обид, или седин,
Прах, что тобою был низложен,
Твое желание возродит.
Не изменяйся — подожди.
Пусть это решено — и все же
Не говори мне: уходи...

М. Н.

Я еще не весь иссох с годами,
Хоть и утонул в делах давно.
Где-то место и Прекрасной Даме
В глубине души отведено.
Да на что мне деньги, или слава,
Если ты мне — вспоминать невмочь! —
Золотоволосая шалава,
Снилась, обнаженная, всю ночь.
 Золота поток спадал на плечи,
 Словно приглашая: обними! —
 А глаза — как два лукавых смерча,
 Губы — вдохновение Джами.
 Руки твои требуют бесстыдно
 В трепетном объятии — замереть!
 И крутая грудь — как пирамида
 Над гробницей тысячи царей...
 Твой живот — животное желание
 Дикой ласки в забвении хмельном;
 И как дерзкий вызов воздержанию
 Бедра твои — амфора с вином.
 Сильных ног пленительная стройность —
 Властное веление: прикоснись!..
 И тебя, забыв благопристойность,
 Я молю: ты дольше, дольше снись!

Но проходит ночь, и злое утро
От меня уносит образ твой —
Снова я забыл тебя как будто,
Сверхсухарь и суперделовой...

Лишь, поддавшись горькому угару,
Раненные струны теребя,
Обниму разбойную гитару —
Как, наверно, обнял бы тебя.

* * *

Стылой дымкою — вода
 На реке.
Тусклой льдинкою — звезда
 Вдалеке.
Красной каплею — рассвет
 На глаза.
Сны приходят, мысли нет.
 Страх: нельзя.
Стылой памяти туман.
 Взгляды — лед.
И спасительный обман:
 Все пройдет.

Маскарад

Хочется дикой ласки —
Дикой, жестокой ласки, —
Но набегают маски —
И убегают маски.
Кружатся в вечном танце —
Вечном и странном танце, —
Будто бы иностранцы
В обществе иностранцев.
Гладят лукавым взглядом —
Легким, лукавым взглядом...
А мне любви бы надо,
Нежности, ласки надо.
Хочется сладкой муки —
Сладкой любовной муки, —
Но обнимают руки —
И ускользают руки.
Кружат в слепой метели —
В белой, слепой метели...
Что вы на самом деле?
Кто вы на самом деле?
Ластятся робко ночи —
Робки, пугливы ночи...
Я не люблю их очень —
Мне с ними страшно очень.

* * *

Который раз одно и то же!
Как это больно, что опять
Я прихожу — к тебе, и должен
Вновь возвращаться — от тебя!

Вновь за твоей улыбкой спрятан
Переворот в моей судьбе:
Чтобы мог я уходить — куда-то,
Но возвращаться — лишь к тебе.

* * *

Ты весна, а я лето. Хожу за тобой,
Как положено это коварной судьбой.

Открываю любовь — открываю любя:
Все идет за тобой, все идет от тебя.

Не успею родиться — уж ты рождена.
Лишь хочу пригодиться — а ты мне нужна.

Я шелками небес по ночам ворожу —
Только чудо чудес вдруг в тебе нахожу.

Быть бы обыкновенно, других повторить,
Все красоты Вселенной любимой дарить...

Я бы в дар тебе дал бесконечность ее —
Но опять опоздал: все на свете — твое!

Ты весна, а я лето — хожу за тобой,
Как положено это коварной судьбой.

Потакая во всем моей ясной весне,
Покорен совершенно — и счастлив вполне.

Эрос

Я хочу целовать тебя, быть с тобою рядом.
Я хочу, чтобы знала ты: я тебя люблю.
Только если тебе все равно, не зови, не надо —
Пусть шторма гудят в паруса одинокому кораблю.

Буду просто терпеть и ждать, с непогодой споря,
Оставляя дела и дни где-то за кормой, —
Ты единственное мое ласковое море,
То единственное из морей, что ведет домой.

Через каждую из потерь и грущу, и верю,
Что когда-нибудь отгорит грозовая тьма.
Как стремлюсь я к тебе! — ты мой долгожданный берег.
Как хочу я прильнуть к твоим розовым холмам!

И когда в алой глубине, поздно или рано,
Ты волнение и тоску тоже ощутишь,
Я омоюсь твоей волной — и на рейде стану,
Пока ты меня к себе, в свою гавань не пригласишь.

* * *

Подбираю некрасиво
Некрасивые слова —
Рифмы гаснут торопливо,
Обозначены едва.

Не снискать мне славы словом:
Не останется за мной
Ни сравнения какого,
Ни метафоры цветной...

Потому что есть на свете
Ты, любимая моя, —
И не солнце, и не ветер,
И не кружево ручья.

Утром, днем, или под вечер —
Там, где тает суета, —
Твои губы, твои плечи,
Твои тайные места

Я ни с чем сравнить не смею,
И не зная, что творю,
Вдруг — робею, и немею,
И тебя боготворю!

Пусть любовь, крутая лава,
Снова выжжет, иссушит —
Ты слова мои и слава,
Ты — пожар моей души.

Заблуждение

И опять на костер кровати,
В свои сколько-то с небольшим,
Вы бросали себя, как платье,
Страстью сорванное с души.

Чтобы с телом сплеталось тело,
И мечталось о темноте,
И обманываться хотелось,
И хотелось еще хотеть —

Лишь бы только остаться сильной,
Только бы не показать,
Как предательские росинки
Наворачиваются на глаза...

И казалось непостижимым,
Что, случившемуся вопреки,
Все наутро как прежде живы —
И по-прежнему далеки.

Навсегда

Для тебя я только «милый»,
И любовь моя бескрыла,
Но, кого бы ты ни любила, —
Слышишь? — я тебя жду.

Пусть без ласки и участия —
Ты судьба моя и счастье.
И в тревогу, и в ненастье —
Слышишь? — я тебя жду.

Говорят: проходят годы,
Забываются невзгоды...
Я иду против природы —
Слышишь? — я тебя жду.

Не могу любить другую,
По тебе одной тоскую.
Эту жизнь, и жизнь любую —
Слышишь? — я тебя жду.

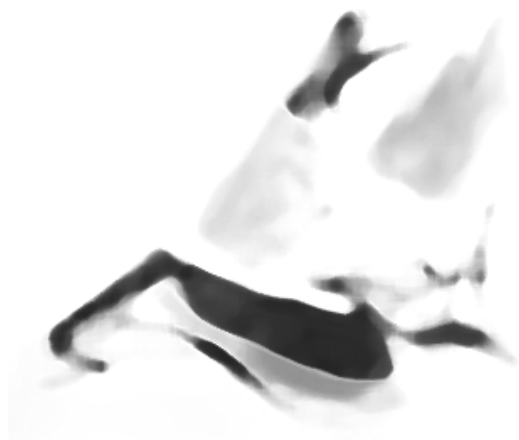
Близко ты или далеко,
Без надежды, без упрека,
Так светло и одиноко —
Слышишь? — я тебя жду.

А пока есть ожидание,
Невозможны расставания.
И сбываются желания.
Слышишь? — я тебя жду.

* * *

Неподвижны холода
По окраине Москвы —
Только слышу иногда
Шепот будущей травы.
Снег пока еще глубок,
Свет в сугробе утонул —
А смешливый ручеек
Тихо пробует струну.
Дни все так же коротки,
Сумрачных мехов сезон —
Но подснежник лепестки
Наливает бирюзой.
Ветер северный сердит,
Бородатый посвист лют —
Все равно, уже летит
По домам пернатый люд.
Сквозь безлистые леса,
Ледяное макраме,
Голубеют голоса
Тайных знаков и примет.
По тому, как в зимних снах
Солнце трогает лучи,
Знаю: новая весна
Скоро в сердце постучит.

ЦИКЛ ВТОРОЙ



Числа

Есть магия обычных слов,
Есть волшебство простых созвучий.
Быть может, первая любовь
Всегда возвышенней и лучше.

Она бежит искусных фраз,
Она легка и вдохновенна,
И ждет — еще немая сцена,
Когда партер уже погас.

И в этом сгустке тишины
Все можно предсказать заранее:
И свет луны, и блеск волны,
И трепет первого свидания...

ΕΡΩΣ ΑΝΙΚΑΤΕ ΜΑΧΑΝ

Любовь побеждает бессмертных богов,
Любовь покоряет смертных.
Любовь создает и друзей, и врагов,
Неверных — и правоверных.

Любовь — это прихоть, случайный сон,
Бессмысленная природа.
Любовь — вездесущий и вечный закон:
Во имя — и против рода.

Пока едины блаженство и боль,
Основой земных созданий,
Из пены лет выходит любовь —
Память и ожидание.

На новом пути слепые следы
Давно позабытых странствий...
Любовь — это эхо погасшей звезды,
Разбросанное в пространстве.

Багира

Дикая радость от дикой любви,
Дикое счастье от дикой свободы...
Тихо полощется в теплой крови
Злое томление дикой природы.

Можно смириться и небо коптить,
Можно поддаться унылой зевоте,
Можно остаток себя посвятить
Идолам века, семье и работе —

Значит ли это, что все позади,
Пройдено, прожито и невозвратно?
Или друг друга уже не найти
Страстно влюбленным, безумно любимым?

Темные тени, усталость забот,
Древняя правда кнута и корыта...
Но непокорная память — живет,
И ни мгновения не позабыто.

Нет тишины за ночной пеленой:
Тайным брожением грозного нрава,
Отблеском, эхом, тревожной волной —
В гулких глубинах мятежная лава.

Чтобы все снова случилось — и вновь
Падали звезды, и плавился камень,
Чтобы изранила сердце любовь
Черной пантеры стальными клыками.

* * *

Вы знатны и невинны, Вы белого снега белее,
Ваших грудей сугробы — творение нордических выюг,
А холодное сердце хранит добродетель вернее,
Чем высокие стены, корсет и ревнивый супруг.

Сколько доблестных рыцарей ждали заветной награды,
Сколько пылких сердец на турнирах повержено в прах,
Под алмазной стрелой равнодушно прекрасного взгляда,
Безответное имя во тьму унося на губах!

Мне был жребий служить Вам — и всюду Вы были со мною.
В сарацинских степях паладины спят гибельным сном...
Но настала весна — посмотрите! — и этой весной
Я цветущей сиренью проснулся у Вас под окном.

Женщины

Волны, на берег отлогий взбегая,
легкою пеной
пали, как складки тонких египетских тканей,
стройной тело богини
прятать не смея.

Ласки прекрасной Елены — награда
юному принцу:
теплые губы пахнут ветвями оливы,
магия ночи сплетает
дерзкие пальцы.

Пленная нимфа в походной палатке —
спорят герои,
кто благороднее родом и доблестью выше,
кто на рабыне развяжет
девичий пояс.

Долгие черные годы, смятение
стен Илиона —
грубое платье, будто предел ожиданий,
траурный камень над прахом
мертвого мужа.

Так прорицание гласит: повторятся,
снова и снова,
волны и солнце — гроты античных мелодий,
тысячи дивных обличий
вещей Кассандры.

Судьба

Когда любовь палящим зноем
Вдруг разметалась на пути,
Или, как море, бьет волной —
Ни перейти, ни обойти;

Когда бессильны рассуждения
И мудрость бесконечных дней;
Когда чем дальше, тем трудней
Плоть отделить от наваждения —

Тогда
суметь
не затаиться,
Не замереть едва дыша,
Не отступить, не отступиться —
А просто сделать первый шаг.

И там, где грезилась геенна,
Или пучины злое дно, —
Взойдет
 Прекрасная Елена
Над пеной покоренных снов.

Романс

Я не ищу забвения и счастья
Безумных тайн в полуночной тиши —
И юный трепет мимолетной страсти
Не возмутит слабеющей души.

Вам не понять неистовых исканий,
Тяжелых дум, и ласковых идей,
И тихой боли разочарований,
И горьких слов над памятью друзей.

Но все прошло, и не было покоя,
И не сумел зажечь огонь в крови...
Вы влюблены? Так смейтесь надо мною! —
Безумен я, не знающий любви.

* * *

Конечно, я не слишком нежен,
Нетерпеливо грубоват,
И легкомысленно небрежен,
И недостаточно богат...

Да что там, право! Все едино,
Хоть сколько положи труда,
С тобой — божественной и дивной —
Мне не сравниться никогда.

Ты — средоточие Вселенной.
Ты — цель и смысл Бытия.
Ты — все, что в мире совершенно.
А я — всего лишь только я.

Отнюдь не золотая залежь,
Скорей отходы, чем сырье...
Но я люблю тебя, ты знаешь, —
И в том призвание мое.

Solo

Скрипач играл, закрыв глаза.
Он не хотел увидеть снова
Безликий и многоголовый,
Надменно-равнодушный зал.

Там зависть, злоба, суета,
Там правят деньги, страх и мода...
Дощатый островок — свобода, —
И рампы зыбкая черта.

Он знал: за этою чертой,
Где тает свет и гибнут звуки, —
Знакомые глаза, и руки,
И пальцы — с блестящей золотой.

Финал. Мгновение пустоты —
И глупая земная слава:
Аплодисменты, крики «браво!»,
Цветы, цветы, еще цветы...

А розы пальцы искололи,
И слезы горше подлых вин —
От роз, от музыки, от боли,
От невозможности любви.

Buona Notte

P. B. Shelley

«Спокойной ночи, доброй ночи!» — где же взять
Ей доброты, когда ты не со мной?
Не говори мне так, — тебе бы знать
То, что лишь ночи ведомо одной!

Угрюма, одинока, безнадежна
Мгла, чуть затихнет звук твоих шагов.
А для сердец, соединенных страстью нежной,
Любая ночь прекрасна и без слов.

Как зло звучит: «Спокойной, доброй ночи!» —
Меж порванных мечтаний и признаний!
Ночь хороша, когда Любовь захочет, —
Но только не от добрых пожеланий.

* * *

Где ценят красоту и чтят обеты,
Где нет ни раболепства, ни греха,
Любовь свободна — как душа поэта, —
Любовь строга — как музыка стиха.

Я с королем был не одно столетие,
И в бой бросал нас грозный клич: «Монжуа!» —
Но ради Вас ни от кого на свете
Не принял ни кольца, ни рукава.

Пусть новообретенные святыни
Расскажут Вам, как в дальних странах я
Выкалывал ночами Ваше имя
На черном небе острием копья.

Кто любит — выше духа и природы,
Он сам себе и правда, и закон.
Я Ваш творец, а Вы — моя свобода
И тяжкий крест на времена времен.

Незванный гость на пиршествах богов,
Я создал их, и мне их гнев не страшен.
И я вхожу, я поднимаю чашу —
И все встают. И хором: «За любовь!»

Сильветта

Я узнал Вас!
Это Вы уходили во тьму
от пещерных костров
мягкой поступью черной пантеры,
еще долго
кружа у охотничьих троп
и пугая детей
ожиданием сладкой добычи.

Я Вас помню.
Вы просто одна из рабынь,
обреченных на гибель
героям
нести
сквозь фальшиво доступные сети
точные раны
клинком сумасшедшей Кибелы.

Я бывал на турнирах,
где Ваш белоснежный платок
обещал победителю
нечто
под именем рая, —
а когда ломалась броня под взаимной злобой двух копий,
молчаливые слуги
спешили
скорее убрать
эти груды мертвого мяса.

Мне знакомы дуэли
из-за невинных намеков.
Ваша гордость чиста —
прокаженные, воры, поэты, бродяги,
гении и тупицы,
одинаково беззащитны,
беспокойною свитой за Вашей спиной —
призраки самоубийц.

Я узнал Вас!
Как только заметил
контур лица, и глаза, и ресницы, и губы, и тело,
и коснулся Ваших волос,
и услышал Ваш голос —
я понял: это конец.

Но я поступлю хитрее:
я пройду мимо —
и перестану быть человеком.

* * *

Не признавайся, не проси прощения.
Ты не грешна: ведь, если я люблю,
Не богом я, но трепетною тенью
Пришел к тебе и о любви молю.
Ужель земля принадлежит растению,
Звезда — глазам, а море — кораблю?
Я был достоин твоего внимания —
Унижусь ли потом до обладания?

Аллегория

И только тот цветом тем взыскан,
Кто отошел, очоченев...

К. К. Случевский

Была зима. Бежали годы.
И ночь полярная ждала,
Пока стекут с груди холодной
Капли последнего тепла.

И я упал, и, коченея,
Лежал пластом на смертном льду
И видел в гибельном бреду —
Цветы и гимны Гименея.

О, это был прекрасный сон!
Пришла Любовь, зажгла, согрела,
В античность багряных часов
Вдохнула ласковое время —

И жизнь легла передо мной,
И долга сладкие оковы...
Но я опомнился — и снова
Один, в пустыне ледяной.

А там, вдали — бессмертный отзвук
Надежд, которыми не стал, —
Мои несбыточные грезы,
Моя печальная мечта.

Эссилт

Огненная, рыжая
И — зеленоглазая.
Гордая, бесстыжая,
Вечная — и разная.

Кельтская красавица,
Ведьма и царица.
Кто тебе понравится —
Пусть судьбы боится.

Ты придешь, нагая,
И отдашься, блудная, —
До конца сжигая
Сердце безрассудное.

Былью ли запомнится,
Сказкой ли останется —
Две лозы любовные
Все равно сплетаются.

Память

Те же, скрутивши меня
по рукам и ногам, привязали
Стоя к подножию мачты
концами ременной веревки...

Одиссея, XII, 178-179

Этот май без конца длится.
В беспредельности луговин
То ли женщина, то ли птица
За рекой поет о любви.

Льются звуки светло и плавно,
Уплывая в бездонный свет,
Где некошенные травы
Растворяются в синеве.

Так незыблемы в гнездах аисты,
Так зеркальность вод холодна,
Что порой почти забывается
Кода завтрашнего дня.

И ни знать, ни мечтать не хочется,
И вовеки не перелистать
Очарованные очи
И усталые уста.

Все — потом: умереть, проснуться,
Выпить кофе, сказать: «Прощай», —
И не встретиться, не вернуться
В бесконечно далекий май.

Даже если когда случится
Плыть по вешности луговин,
То ли женщина, то ли птица
Не сплет уже о любви.

* * *

Мадам, я нынче в Вашей власти.
Вы милостивы, госпожа,
И не оставите в несчастьи
Влюбленного пажа.

Ваш муж в походах и турнирах...
Что ему небо, что земля!
Он покоритель половины мира —
И дамы короля.

Пусть при дворе фальшивой страстью
Играет светский лев —
Вы благороднее и прекрасней
Всех королев.

Пока на пламенные лица
Не пала золотая сеть,
Хотя бы раз соединиться —
А после умереть.

И как высокую награду
Мы примем казнь свою:
Я в огненной пучине ада —
А Вы в раю.

Волшебная сказка

R. Desnos

Сколько раз: жил-был мужчина,
Который любил одну женщину...
Сколько раз: жила-была женщина,
Которая любила одного мужчину...
Сколько раз: жили-были...

Женщина — и мужчина,
Любившие — но не любимые.
Как-то раз,
Возможно, единственный,
Женщина и мужчина любили друг друга.

К ней

Я могу лишь любить.
Сказать же, как ты любима,
Может лишь вечность одна!

В. Жуковский

Изменчивость погод объединяет климат.
Мгновения в века преображают сны.
Бесчисленны простые таинства весны.
Так и моя любовь — она неизмерима.

Тот не поэт, кто мечет по миру стихи,
Воспламенясь пустой красотью сравнений,
Кто чувствует на вес блескучей шелухи,
Кто сделал божество — кнутом для вдохновений.

Недвижима скала, тверда и величава.
Но океан велик — и волнам нет преград.
Что трели соловья? Ведь, их не замечая,
Для всех струится юной розы аромат.

Давайте делать жизнь — счастливую, земную,
Когда соната, повесть, полотно, сонет —
Алмазы прошлого, цены которым нет,
Но все же грядущее над ними торжествует.

Я буду говорить, что ты — звезда, судьба,
Навек одна, святая, как Земля, — и все-таки
Не верь словам любви. Пусть вечны эти строки,
Они — ничто. Пока я не любил тебя.

* * *

Мягкий свет, медовый звук,
Сдержанные краски,
Легкий запах плавных рук,
Волны долгой ласки...

Горечь краденой зари,
Счастье напускное...
О мгновение! Забри —
И умри, со мною.

Marcato

Любовь всегда кончается внезапно.
Бессмысленность и дикость слова «нет»,
Отчаяния неуловимый запах,
И светлый след портрета на стене...

Нет выхода. Прямоугольник двери.
Свет пустоты по комнате разлит.
Куда идти? В кого теперь поверить,
И у кого прощения молить?

Усталая несвязность многоточий.
Секунды, бьющиеся о стекло.
Немые тени прошлых одиночеств,
Нависшие над письменным столом.

Ночь за окном — и бесконечность улиц.
Забутые дела. Бумаги лист.
Обрывки строк о тех, что не вернулись, —
Хотя, быть может, даже не ушли.

Слова, слова... Молчание нелепо.
Но на стене — портрета светлый след.
А ни скрипучей виселице неба
Бедняга-дождь качается в петле.

Диптих

1

Я твой и телом, и душой,
И ты моя — но только телом.
Так получилось: мы с тобой
Навек в союзе опустелом.

Звезда и бездна, блик и лед —
Мы вместе, мы неразделимы;
И кажется: весна придет —
И все становятся любимы.

Как жаль, что так не может быть!
Жизнь холодной, и строже годы...
Ты не смогла меня любить,
А я — вернуть твою свободу.

2

Я отдала тебе сердце,
Хотела твоею быть —
Но ты не сумел, мой милый,
Только меня любить.

Ты ласков со мной и нежен,
Радуюсь, грустим
Мы вместе, но ты — далеко,
Душа твоя — в пути.

Мне просто, легко с тобою,
Я знаю тебя вполне
И мысли твои читаю... —
Жаль, что не обо мне.

Пигмалион XXI

это мое.
никому не отнять
сгорбленных лет
и отравленных весен
воспаленных глаз по утрам
(крошки луны в недопитом стакане ночи)
долгих трудов
озарений и разочарований
исцарапанных рук
и сердца
(темно-красная кровь на темно-зеленых листьях)
молчаливых надежд
и горьких упреков
галлюцинаций
слабости и мечты

(тягучий хрусталь
на палисандре клавины
брошенная гитара
глаза цвета хондо)

я был
твоим дыханием
целовал твои лепестки
любовался тобой
и любил
даже если
такое
нельзя назвать
любовью

это мое.

и неважно
что ты так и не расцвела
моя бумажная роза

* * *

Улыбнись на прощание, рукой помаши на прощание.
До свидания. Ну, хватит! Удачи — и новых путей.
Что поделаешь, милая, наша судьба — расставание,
Забывание случайных открытий и светлых потерь.

Не печалься, не надо. Все было так просто и дивно.
Будто легкая осень коснулась багряной росой.
Ты же знаешь, ты помнишь, как это необходимо,
Чтобы слепая богиня крутила свое колесо,
Чтобы нити не рвались, и в ладной, уютной светлице
Трое вечных невест от досады не хмурили бровь —
И тогда в оперении заново сотканной птицы
Станет пепел наш, может быть, самым красивым пером.

Улыбнись на прощание, рукой помаши на прощание,
Отвернись и забудь, потеряйся среди лиц и вещей.
До свидания, любимая. Только не будет свидания —
Расставания будут, и легкая осень в багряном плаще.

Перед сном

Быть может, это плохо — больно? — странно?
Полупросохшей простыней тумана
завешен горизонт, куда упал давно
кровавый ком зари — искусство икэбаны:
раздавленный пион течет сквозь полотно,
как ржавое пятно.

Опущены слова на окна и витрины.
Какая тусклая пора —
весенних вечеров блатные флюгера,
и потолки подъездов паутиной
покрыты наспех, как ненужными ферматами — игра
на светском пианино.

Букеты хрупкие в хрустящем целлофане
безумно дороги. Бегут часы свиданий,
идея фикс:
там, за аляповатостью афиш,
провинциальная звезда канканит
прощальный бенефис.

Быть может, это все — а может, нет?
Приятно пережить спокойно и без блеска
еще один докучливый роман. Стемнело. Зажигают свет.
Вдруг — рамы, настезь, резко...
Полощет по ветру чужая занавеска
твой пыльный силуэт.

Зброшенный маяк

В былые времена,
Давным-давно, —
Помнишь? — плывет луна
В небе ночном,

И дальний свет звезды,
Огней струя,
И нет ни «я», ни «ты» —
Но: «ты и я».

Прикосновение губ,
Полынный сон
На диком берегу
Ветров и волн —

И камень не остыл,
И устоял...
Но ты уже не ты,
А я — не я.

ЦИКЛ ТРЕТИЙ



* * *

Мой дивный сон, моя звезда,
Ты жизнь моя, и вдохновение, —
Одно блаженное мгновение
В пустыне горького труда,
Животворящая вода,
От всех печалей исцеление...

Так повторяется предание
От первобытной старины.
Но я почувствовал весны
Полупрозрачное дыхание —
И все слова, и все признания
Моей
любовью рождены!

Джоконда

Вы меня, наверно, не помните...
Вы ведь
 так и не стали
 старою.
Но в году девятьсот каком-нибудь
были бы славною мы
 парою.
Почему не сплелись
 ниточки —
расплылось
 по воде кольцами.
Как и прежде:
 мечты — несбыточны,
а загаданное — не исполнится.
И менять
 ничего
 не хочется.
Пусть на плечи года
 тяжестью —
Вы такая же
 неиспорченная...
Только я
 постарел, кажется.

* * *

It is too rash, to unadvised, too sudden
Too like the lightning, which doth cease to be
Ere one can say, It lightens.

W. Shakespeare

Когда-нибудь станет мир взрослее,
спокойнее и мудрей,
и каждый в себе преодолет
повадки диких зверей...
Но даже и там, где всегда с любовью
встречается любовь, —
останется отзвуком давней боли
легенда о нас с тобой.

Мы шли наугад по чужой планете,
сквозь рев глумливой толпы,
не зная зла — но уже не дети,
наивны — но не глупы;
и в кабале бесконечных буден,
и друг от друга вдали,
в знобь пронизательным полулюдем —
свет сохранить смогли.

Мы научились ждать и верить,
думать, мечтать и сметь —
чтобы наши радости и потери
перешагнули смерть.
Что неприглядности весенние,
что старости холода!
Есть на двоих — одно мгновение,
Однажды — и навсегда.

* * *

Ты говорила: нет стихов в любви,
Стихи слагаются в тревоге и печали...
Пусть так. Нигде поэты не встречали
Своих любимых песней, не мечтали
Строкой излить волнение в крови —
И милый образ лунными ночами
Нигде и никого не вдохновил.

Пусть так. Во всем покорен я тебе.
Я — тень твоей души, один побег
Там, где тропа лианами увита, —
Моя судьба для доброты открыта,
И я готов, наперекор себе,
Принять любовь с восторгом неопита,
Когда она нисходит к нам с небес.

Светла любовь — но за ее плечами
Два черных ангела: забота и тоска.
Пускай пока разлука далека,
Пускай беды ничто не предвещает,
Но я люблю — и то грустит строка,
То за тебя волнуется слегка...
Стихи слагаются, в тревоге и печали.

Прости, когда тебя, бывает, злю
Тем, что порой без видимой приметы
То нем от счастья, то навзрыд скорблю...
Родная, верь: я вовсе не стремлюсь
Кормиться на сухой паек поэта.
А если иногда живу стихами — это
Лишь потому, что я тебя люблю.

* * *

Обрывая заклеенность окон
и вдыхая туман за окном,
я хочу говорить о высоком —
а быть может, мечтать о земном.

И волнуюсь, и беспокоюсь,
тороплюсь услышать и прочесть
мать-и-мачехи солнечный голос
и пушистую вербную весть.

Потому что нельзя не верить
в бесконечность, которой нет, —
и в оконцах под каждым деревом
не заметить знакомых примет:

Будут первые медуницы,
и фиалки робкий вопрос,
и смеющиеся синицы
в розовеющих пальцах берез...

А когда в голубом логове
спрячут звезды лоскутья тьмы,
я начну собирать в дорогу
запоздалые сны зимы.

И пройду обнаженной весною,
и растаю, как будто умру,
там, где небо и ветер со мною —
и дымится ольха на ветру.

* * *

В вечной сутолоке мнений,
В дебрях дел и суеты,
Между взлетов и падений
Мне одна опора — ты.

Я, конечно, невезучий,
Все в природе мне назло.
Но однажды выпал случай —
Мне с тобою повезло.

И теперь какое дело
До житейской кутерьмы!
Только две души, два тела —
Существуем только мы.

От туманности горячей
До пустыни ледяной —
Ты, весна моя. А значит —
Мир прекрасен, как весной!

Бог с ним — давят, и толкают,
И плюют из-за угла...
Я-то знаю: все растает
В искре твоего тепла.

* * *

Все отражается во всем —
Как солнце в глубине,
Моя любовь — в твоей любви,
Твоя любовь — во мне.

В калейдоскопе дел и дней
И души, и тела —
Где отражения зеркал,
Где сами зеркала?

Все отражается во всем,
Все соединено:
Весна и осень, день и ночь,
И мы с тобой — одно.

Прикосновение ветерка,
Далекая гроза,
Твоя рука в моей руке —
И звездные глаза...

Все отражается во всем,
И все — не в пустоте:
Одна судьба — в другой судьбе,
Мечта — в другой мечте.

И если были мы с тобой,
Наш не погаснет свет.
Ничто не вечно под луной —
Но не напрасно, нет!

* * *

Улыбка счастья — много или мало?
Одна улыбка, больше ничего.
Но я вдруг поняла: любить его!
Вот то, чего всю жизнь недоставало.

Чтобы и приласкать, и пожалеть,
И вспоминать по тысяче раз на день,
Чтобы все отдать одной улыбки ради —
Но только так продлиться на земле.

* * *

Кругом пожар: взбесившиеся годы,
Слепая кровь, напрасная борьба...
Лишь ты одна — последняя свобода,
Единственная жизнь — и первая судьба.

Да будет так. Пусть не дано стихами
Парить над миром, презирая прах, —
Настанет ночь, и в ней твое дыхание,
И теплый вкус улыбки на губах.

И если днем, за суетой и ленью,
Тускнеют сны, желания, мечты —
Лишь улыбнись: наперекор Вселенной,
Все хорошо — со мною рядом ты.

* * *

Ты столь изысканно прекрасна
И неожиданно скромна...
Как сумасшедшему луна,
Мне нагота твоя опасна.

Казалось бы: в тебе все ясно,
Я получил свое сполна,
Ты до конца обнажена.
Но стать спокойнее — напрасно!

Таков мой рок — я ждал его.
Пусть будет так, как ты хотела:
От слова — возгорится дело,
И, в довершение всего,
Не станет ни души, ни тела —
Ни моего, ни твоего!

* * *

Солнце становится ласковой,
Даже и без тепла.
Взгляд голубыми глазками —
Это весна пришла.

Все для нее стараются:
Птицы опять звонки,
Радостно удивляются
Первые ручейки...

Пусть еще нет зелени,
И не цветут цветы.
Главное — настроение
Света и красоты.

Летом, зимою ли, осенью,
В смутные времена,
С горечью, или с проседью,
А все равно — весна!

Ритм дорог

Качает стебли за окном
Их ветреной судьбой...
Ах как давно, ах как давно
В разлуке мы с тобой.
Бегут минуты и часы,
Слагаются в века —
До края черной полосы
Так далеко пока!

А в поезде — обманнный свет,
И хвост огромный в туалет,
И громко чавкает сосед
На нижней боковой,
И дети глупые кричат,
И дяди взрослые храпят,
И ноги потные торчат
В соседстве с головой...

Для стеблей ветер — их судьба,
А ты — в моей судьбе.
И вроде еду от тебя —
И все-таки к тебе.
Я буду стоек, как броня,
И все перетерплю,
Когда ты где-то ждешь меня,
А я тебя люблю.

И мимо, мимо степь плывет,
Гудит на станциях народ,
И хладнокровный серый кот

Почти на рельсах спит;
В вагоне вдоволь сквозняка,
И подкидного дурака —
И носит варево в судках
Вагонный общепит.

«Куда-то вдаль, куда-то вдаль», —
Колеса шепчут мне —
И тает черный календарь,
И растворяется печаль
В далеком светлом дне.

* * *

Вроде бы не красавица,
И чересчур строга —
Но чем-то она мне нравится
И чем-то дорога.
Мягкие плечи и волосы,
Острые коготки,
Гордая бархатность голоса,
Точный изгиб руки...
То она — пекло кратера,
То — крещенский мороз...
Девушка с характером,
Фея из давних грез.
Солнечная, уютная,
Недосягаемая на вид —
Как же все перепуталось
В этой странной любви!
Увижу — душа взрывается,
И тело огнем горит...
Кто сказал: не красавица?!
Я так не говорил.

* * *

Случается, что в горечи разлуки,
Под тяжестью сомнений и тоски,
Мне кажется: весь мир не стерпит муки,
Как жизнь моя — рассыплется в куски.

Но если вновь, неспетыми ночами,
Уходишь ты, меня в других любя, —
Я не умру. В плену своей печали,
Я буду жить —
и буду ждать
тебя.

* * *

О музыке, о девушках, обо всем,
что способно цвести...

И. Северянин

Поникла, отцвела, увяла,
Вдруг отвернулась и ушла...
Ты умерла, тебя не стало —
Но ты была, была, была!

Что из того, что тело стынет,
И память канула в мечту!
Со мной — глаза твои цветные,
И плечи юные в цвету.

Напрасно лиственное вертемя
сметает старые слова.
Цветы и музыка, бессмертие,
Ты изменилась — но жива.

* * *

Однажды
я подарил тебе розу.
Когда?
Ты же знаешь,
я путаюсь
в вашем летосчислении.
Мне казалось,
это у вас принято,
когда спрашиваешь
и ждешь ответа.
Но ты поставила цветок
в вазу
матового стекла —
и ничего не сказала.
Я ждал до утра
у порога —
и со мной ушла тишина.

Через год я принес
и положил на порог
две розы —
черную и золотую.
Никто не вышел
и не узнал,
и окна
какие-то неподвижные.
Мне сказали,
что ты умерла
и больше здесь не живешь,
а дом пока ничей.

Я подождал
еще немного,
пока цветы не завяли.
Следом за мной
потянулась темнота.

Через тысячи лет
я разыскал твою планету —
но там никого не было,
только оплавленное стекло.
И тогда
я покрыл ее цветами —
черными, золотыми,
и просто розами;
и рядом зажег
маленькую желтую звездочку,
чтобы им хотелось
к ней расти.
Так лучше,
чем безмолвие
и тьма.
А когда ты вернешься,
будет приятно,
что тебя ждут.

Ради любви

Звук за звуком — рождается поэзия.
Созвучие, еще созвучие — это музыка.
Тень сменяется тенью — на холсте.
Все, что происходит.

Камень к камню — будет ровной дорога.
Один пейзаж за другим — продолжается путь.
Звезда зовет звезду — новая вселенная.
Все, что происходит.

Круг за кругом — кружится время.
Время от времени — приходят люди.
Жизнь сменяет жизнь — остается память.
Но все, что когда-либо происходит, —
ради любви.

* * *

Непородистая наружность,
И внутри — сам себе родня...
Ты неведомую зверушкой,
Как из сказки, звала меня.

Я любил тебя, и боялся,
И не верил своей судьбе,
И с тобой над собой смеялся,
Чтобы негрустно жилось тебе.

А потом — жестокие годы,
Всемогущество подлой тьмы —
И теряла Земля свободу,
И теряли друг друга мы...

И пришлось погасить сказки,
Приспосабливаться, играть,
И меня от чужой маски
Временами не отодрать:

Отстраненным, и злым бываю...
Но куда бы ни сбился я —
Ты не бойся меня, родная
Укротительница моя.

Нам с любовью прощаться рано:
Все меняется — но, поверь,
Я все тот же смешной и странный
Непонятной породы зверь.

После звонка

Целая вечность —
Двадцать минут.
Как бессердечно
Ходики лгут.

С ними так трудно!
Совести нет:
В каждой секунде
Тысячи лет.

Вот бестолковые!
Что так ползти?
Может быть, снова
Из завести?

Вечер за вечером,
Годы бегут...
Те же до встречи
Двадцать минут.

В солнце ли, в сумерки,
В стужу и в зной —
Там, за минутами,
Голос родной,

Легкие руки,
Взгляды, как шелк...
Стоп! Что-то стукнуло.
Лифт подошел?

По полу дрожью
Обуви скрип,
Пискнула кошка,
Мчится к двери,

Тостер стрекочет,
Чайник гудит...
Вечность закончилась.
Жизнь впереди.

Ню

Оно летело, и струилось,
и уходило в зыбь ночей,
и возвращалось — и дробилось
на лабиринты мелочей;

оно звало, и трепетало —
оно, отталкивая, жгло
блеском презренного металла
и откровенным ремеслом...

И вновь струилось, и летело,
и растворялось в пустоте —
и снова становилось телом
того, что выше пошлых тел.

Возвращение в весну

Милая моя, дорогая,
Ласковая моя!
Как в середине мая
Теплые дни стоят.
Вроде бы только начало —
Но над падшей листвой
Каплями прозвучало
Доброе колдовство.
И чуть пригреет счастье
С лучистой высоты —
Всем совершенно ясно,
Что весна — это ты.
А значит и птицы, и звери,
И ольха, и береза, и дуб —
Любят тебя и верят,
Надеются и ждут.
В путанице ветвей читаю,
И в дыхании ручья:
Милая моя, дорогая,
Ласковая моя!
Стань и моей весною,
Солнечностью любви
В буйство летнего зноя
От сонной зимы зови!
Пусть мудрость стародавняя
Восторженно узнает:
Трудится мироздание
Лишь во имя твое.

И день и ночь повторяю
Словно молитву я:
Милая моя, дорогая,
Ласковая моя...

Антисонет

Тех, чья любовь жива, не разлучить.
Пусть коротка и ненадежна нить,
Протянутая от конца к началу, —
Мы, не дыша, пройдем по ней вдвоем
И, как бы злая доля ни качала,
Не пошатнемся на пути своем.

Когда часы пробьют двенадцать раз,
И в новых снах заблудятся дороги,
Придут иные демоны и боги,
И станет мир другим — но не для нас:

Все та же откровенность нежных глаз,
Круговорот надежды и тревоги,
Благая боль, знакомая немногим, —
Славна без слов, прекрасна без прикрас.

* * *

От встречи до прощания —
Такой недолгий путь!
Не надо обещаний мне,
Ты просто — не забудь.

От радости до радости —
Случайная слеза...
Но снова загораются
Влюбленные глаза.

От нежности до нежности —
Снежинка пролетит...
Но в сердце не задержится.
Оттает — и простит.

* * *

Листяные каравеллы
Уплывают в никуда...
Это осень. — Что же делать? —
Наша осень навсегда.

Желтый парусник струится
Отблеск стали на волне —
Словно память синей птицы,
Наша память о весне.

Тонут листья, тают годы,
Холоднее с каждым днем...
Не печалься! Все проходит —
Только мы опять вдвоем.

СОДЕРЖАНИЕ

Классический сонет.....	5
-------------------------	---

ЦИКЛ ПЕРВЫЙ

Просто так.....	9
Театр.....	11
Прости, но я тебя люблю.....	12
Старинный вальс.....	13
В опале.....	14
Сарказм судьбы.....	15
Влюбленный, не страдай напрасно.....	16
Если хочешь, я тебя.....	17
На гребне банальных бессонниц.....	18
День за днем — тебя все нет.....	19
Как перезубренный урок.....	21
Это старый роман.....	22
Средство.....	24
Не говори мне: уходи.....	25
М. Н.....	26
Стылой дымкою — вода.....	28
Маскарад.....	29
Который раз одно и то же.....	30
Ты весна, а я лето.....	31
Эрос.....	32
Подбираю некрасиво.....	33
Заблуждение.....	34
Навсегда.....	35
Неподвижны холода.....	36

ЦИКЛ ВТОРОЙ

Числа.....	39
ΕΡΩΣ ΑΝΙΚΑΤΕ ΜΑΧΑΝ	40
Багира	41
Вы знатны и невинны.....	42
Женщины.....	43
Судьба.....	44
Романс.....	45
Конечно, я не слишком нежен.....	46
Solo.....	47
Buona Notte.....	48
Где ценят красоту и чтят обеты.....	49
Сильветта.....	50
Не признавайся.....	52
Аллегория.....	53
Эссилт.....	54
Память	55
Мадам, я нынче в Вашей власти.....	57
Волшебная сказка	58
К ней	59
Мягкий свет, медовый звук.....	60
Marcato.....	61
Диптих	62
Пигмалион XXI.....	64
Улыбнись на прощание.....	66
Перед сном.....	67
Заброшенный маяк	68

ЦИКЛ ТРЕТИЙ

Мой дивный сон, моя звезда.....	71
Джоконда.....	72
Когда-нибудь станет мир взрослее.....	73

Ты говорила: нет стихов в любви.....	74
Обрывая заклеенность окон.....	75
В вечной суетоке мнений.....	76
Все отражается во всем.....	77
Улыбка счастья.....	78
Кругом пожар.....	79
Ты столь изысканно прекрасна.....	80
Солнце становится ласковой.....	81
Ритм дорог.....	82
Вроде бы не красавица.....	84
Случается.....	85
Поникла, отцвела, увяла.....	86
Однажды.....	87
Ради любви.....	89
Непородистая наружность.....	90
После звонка.....	91
Ню.....	93
Возвращение в весну.....	94
Антисонет.....	96
От встречи до прощания.....	97
Листяные каравеллы.....	98

**Издание выпущено
в рамках проекта «Книга по требованию»**

Мерайли

АКАДЕМИЯ ЛЮБВИ

Сборник стихотворений

Редактирование: П. Б. Иванов

Менеджер проекта: Е. А. Молочникова

Оформление: П. Б. Иванов

Компьютерная верстка: П. Б. Иванов

Подписано в печать 25.06.2006. Заказ № 3771. Формат 70×90/16.

Печать цифровая.

Усл. печ. листов 1,8. Тираж 100 экз.

Издательство «BODlib»

197342, Санкт-Петербург, ул. Белоостровская, д. 22

info@bodlib.ru

www.bodlib.ru

Отпечатано в типографии «Printissa»

197342, Санкт-Петербург, ул. Белоостровская, д. 22

www.printissa.ru

